

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Сченснович В.Н.*
**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ В РОССИИ**

DOI: 10.31249/rimm/2023.03.01

Для цитирования: Сченснович В.Н. Демографические и миграционные проблемы в России // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 3 (329). DOI: 10.31249/rimm/2023.03.01

Аннотация. Снижение рождаемости в России в 2020–2021 гг. привело к естественной убыли населения. В статье прослеживается влияние пандемии COVID-19 на трудовую и образовательную миграцию. Раскрываются тенденции международной миграции России и стран Центральной Азии. Приведены данные социологических исследований.

Ключевые слова: демографические и миграционные проблемы; рождаемость; меры поддержки; государственная миграционная политика; миграционная привлекательность РФ; приморская зона Северо-Запада России; Арктика; Дальний Восток; Башкортостан; приграничные регионы Северного Кавказа; страны ближнего зарубежья; отношение россиян к мигрантам-мусульманам; мигрантофобия; роль СМИ.

Введение

Естественные потери населения в 2020–2021 гг. оказались самыми большими в начале XXI в. Миграционный прирост лишь частично компенсировал людские потери. Это объясняется влиянием ковидных ограничений, вследствие чего сократились масштабы

* Сченснович В.Н., научный сотрудник ред. журналов «Россия и мусульманский мир» на рус. и англ. яз., ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

международной миграции. Иная причина связана с переориентацией миграционных потоков из традиционных для РФ стран-доноров на другие направления. Учитывая, что большинство проблемных с точки зрения миграционного оттока регионов – приграничные, это определяет риски национальной безопасности страны.

Демографическая и миграционная ситуация в России

Снижение рождаемости в РФ привело к естественной убыли населения. По прогнозам, подъема рождаемости в ближайшие 15 лет не будет. К 2020 г. Россия подошла со следующими показателями: население – 146 780 720 человек; плотность народонаселения – 8,6 человека на один км²; естественная убыль – 2 030 629; естественный прирост – 1 862 143; миграционный прирост – 228 556 (преимущественно за счет граждан Таджикистана, Казахстана и Украины), продолжительность жизни мужчин – 59,8 года, женщин – 73,2. В связи с этим демографическая политика РФ должна быть направлена на увеличение продолжительности жизни, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, сохранение и укрепление здоровья населения, регулирование внутренней и внешней миграции с целью улучшения демографической ситуации в стране [17].

Исследователи из Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН (г. Москва) Л.Н. Андропова и Н.М. Ланцова [1] оценивают демографическую политику, проводимую в России, рассматривают международный опыт государственных мер поддержки семей с детьми и повышения рождаемости в отдельных странах Центральной и Восточной Европы. Авторами обсуждаются долгосрочные демографические прогнозы численности населения в России и их предпосылки. С 2016 г. тренд естественного роста численности населения России прекратился. По среднему варианту прогноза Росстата до 2036 г. общая численность населения к началу 2036 г. достигнет 142,993 млн человек. На сокращение населения России повлияет снижение рождаемости, замедление снижения смертности и сокращение миграционного потока.

В статье ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН М.Н. Храмовой, Е.В. Скоблиной и Д.П. Зорина [26] дан анализ воздействия международной миграции в регионах РФ на численность и демографическую структуру населения России в 2020–2021 гг. Рассмотрена динамика смертности и естественной

убыли населения в период пандемии COVID-19, показано влияние пандемии на образовательную и трудовую миграцию в РФ.

Пандемия COVID-19 оказала длительное воздействие на демографическое развитие субъектов РФ. В условиях ограничений мобильности масштабы международной миграции снизились. Миграционный прирост только частично компенсировал естественные потери населения. Сопоставление структуры иммиграционных и эмиграционных потоков позволяет авторам сделать вывод о том, что вследствие эмиграции происходит отток человеческого капитала из ряда стратегически важных регионов страны.

Естественные потери населения в 2020–2021 гг. оказались самыми большими за последние 20 лет. Сказался мультипликативный эффект: с одной стороны, негативная динамика рождаемости и смертности обуславливается сложившейся демографической структурой населения, а с другой – влиянием пандемии, в первую очередь, на уровень смертности в трудоспособных возрастах. В течение 2021 г. все федеральные округа, кроме Северо-Кавказского (СКФО), закончили год с весьма значительной естественной убылью. В 65 субъектах РФ численность населения сократилась: в 28 регионах за счет естественной убыли и миграционного оттока, в 37 регионах – за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом. И только 10 субъектов РФ (все – национальные республики) характеризовались относительно высоким естественным приростом.

Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию в РФ

Кандидат экономических наук, в.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН Е.С. Красинец и Т.В. Шевцова (г. Москва) анализируют последствия влияния пандемии коронавируса на международную трудовую миграцию в России [13]. Проведенные авторами социологические опросы показали, что большинство мигрантов позитивно характеризуют работу в России и не планирует уходить с российского рынка труда (несмотря на многочисленные оценки своего материального положения как неудовлетворительные, а также возросшие в период пандемии риски потерять работу и остаться без источника дохода). За время пандемии выросли намерения мигрантов на долгосрочное пребывание и более глубокую интеграцию в России. Представители стран СНГ относятся к возможности остаться в РФ на постоян-

ной основе по-разному. Лидирующие позиции в рейтинге ответов на вопрос «Хотели бы Вы остаться в России навсегда, получить вид на жительство и российское гражданство?» занимают ответы граждан стран, наиболее интегрированных на евразийском пространстве – Казахстана (75,0%) и Киргизии (62,5%). Стремление получить российское гражданство и долгосрочно находиться в России характерно также для мигрантов из Таджикистана (44%), Азербайджана (40%) и Узбекистана (37%).

В результате первой волны пандемии COVID-19 на российском рынке труда возникла избыточность предложения иностранной рабочей силы (ИРС), отмечает Е.С. Красинец [12]. Под влиянием карантинных мер и сокращения масштабов экономической деятельности произошло сжатие спроса на рынке труда и резкое уменьшение рабочих мест в отраслях и секторах, где были задействованы мигранты. По мере нормализации ситуации в экономике и под воздействием принятия правительством мер по борьбе с коронавирусом численность трудовых мигрантов увеличилась.

Государственная миграционная политика современной России

Тема внешней миграции является одной из самых острых и актуальных в общественно-политическом дискурсе. При этом понимание внешней миграции на уровне экспертов и общества зачастую разнится. Экспертное сообщество в целом положительно оценивает механизмы внешней миграции в контексте решения проблем на российском рынке труда в сложной демографической ситуации. В свою очередь, часть россиян воспринимает внешнюю миграцию негативно, связывая с ней рост террористических рисков, уровня бытовой преступности и распространения наркотиков.

С 2015 г. стало возможным для иностранных граждан осуществлять временную трудовую деятельность в России на основании патента. Высокая миграционная привлекательность РФ для выходцев из стран СНГ, по мысли экспертов, обусловлена особенностями российского законодательства, способствующего развитию преференций в отношении этих государств, культивируя зависимость рынка труда от притока внешних трудовых ресурсов из стран-доноров [7].

Концепция государственной миграционной политики ставит задачи содействия переселению соотечественников, привлечения и адаптации востребованных категорий трудовых мигрантов из ви-

зовых стран. Кандидат исторических наук В.В. Комаровский считает, что необходим полный набор инструментов регулирования миграционного притока иностранной рабочей силы (ИРС) – «от механизмов привлечения и рекламы» до комплекса «ограничительных мер при избытке предложения» или «недостатке спроса на рынке труда» [9, с. 31]. При любом развитии социально-экономической ситуации в РФ, увеличении или снижении потребности в ИРС прогноз динамики спроса и предложения на нее на российском рынке труда становится «насущной проблемой для дальнейшего развития страны» [11].

Кандидат философских наук К.В. Аршин [2] рассматривает эволюцию миграционной политики РФ в XXI в. Автор отмечает, что события 2014–2015 гг. (обострение ситуации на Украине и в Сирии) привели к масштабному прибытию вынужденных мигрантов на территорию РФ. По неофициальным данным, по состоянию на 2017 г. в РФ находилось более 1 млн украинцев, прибывших в экстренном порядке в Россию из юго-восточных областей Украины. В 2014 г. было издано Постановление Правительства РФ «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке». Федеральным органам исполнительной власти было предписано содействовать добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Для граждан Украины в 2017 г. упростили процедуру отказа от украинского гражданства.

Кроме того, в отношении трудовых мигрантов появилась возможность осуществлять трудовую деятельность на основании патента не только физическим, но и юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Указанная мера привела к росту числа иностранных граждан, пожелавших выйти «из тени», избрав патент как инструмент регулирования своего правового положения. Принимая во внимание, что в соответствии с законодательством РФ оформление трудовых отношений с иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами осуществляется по упрощенной процедуре, К. Аршин прогнозирует возможный отказ от института разрешений на работу и, как следствие, «необходимость разработки более гибкого инструмента по привлечению на работу в РФ высококвалифицированных специалистов» [2, с. 130].

В новой Концепции на период 2019–2025 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г., в значительной степени изменилась трактовка цели миграционной политики. Приоритетным направлением стал подход к миграционной политике

как инструменту решения социально-экономических и демографических проблем. В качестве таковых были названы: качество жизни в РФ; доступность гражданам и мигрантам социальных, образовательных, медицинских, культурных и иных услуг; а также состояние правопорядка, степень развитости инфраструктуры. Соответственно изменению цели миграционной политики поменялся и приоритет ее задач. На первое место вышли вопросы совершенствования механизмов, которые обеспечивают миграционный прирост (в рамках реализации программы привлечения соотечественников и трудовых мигрантов). Второе место было отдано задаче создания условий для адаптации к условиям жизни в РФ иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада. Третья задача – обеспечение отечественной промышленности, образования и науки квалифицированными кадрами за счет внутренней и внешней миграции. В Концепции также уделено внимание вопросам национальной безопасности, выявлению, пресечению и профилактике нарушений миграционного законодательства.

К. Аршин разделяет точку зрения В.Ю. Зорина, что Концепция на период 2019–2025 гг. – это «поиск баланса между интересами экономического развития страны и безопасностью государства и общества; широкое внедрение инновационных методик и подходов к управлению миграционными отношениями, с учетом мирового опыта» [8, с. 62]. А сама миграционная политика, в том виде, как она отражена в Концепции, нацелена на создание благоприятного режима для переселения в Россию людей, в том числе, покинувших ее ранее, способных стать «полноправными гражданами и членами российского общества» [6].

Принятие новой Концепции миграционной политики вызвало неоднозначные оценки со стороны различных групп населения. В частности, граждане России, придерживающиеся националистических взглядов, критиковали ее за якобы прослеживающийся в тексте приоритет объединения мигрантов в ущерб коренному населению России. Некоторые члены мигрантских общин указывали на недостаточное внимание к вопросам регулирования трудовой миграции, развития рынка труда. Ряд представителей научного сообщества обратили внимание на излишнюю обтекаемость и обобщенность нового стратегического документа, отсутствие механизмов решения назревших проблем. Негативное восприятие новой Концепции, несмотря на ряд новаций, которые вписывают миграционную политику в контекст социально-экономического,

инновационного развития страны, обеспечения национальной безопасности, реализацию национальной, образовательной, научной, культурной, молодежной и внешней политики, по заключению К. Аршина, объясняется, по всей видимости, «сохранением отрицательного отношения к мигрантам и миграции» [2, с. 132].

В целом вопросы формирования нового подхода к миграционной политике в рамках действующей Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. в настоящее время стоят крайне остро. Требуется «оценка рисков и последствий от принимаемых решений» [2].

Отношение населения РФ к мигрантам. Роль СМИ

Доктор социологических наук, доцент В.Ю. Леденева [15] (ФНИСЦ РАН, г. Москва) анализирует роль медиапространства в противодействии распространению ксенофобии и национализма. Ксенофобские настроения в обществе связаны с опасением, что в условиях потери работы мигранты начнут совершать преступления. Негативное отношение к мигрантам формируют стереотипы о культурных и религиозных различиях: мигранты плохо знают язык, забирают и удешевляют рабочие места. Активно используются маркеры национальности при освещении конфликтов, если речь идет о внешних трудовых мигрантах.

Функционально деятельность СМИ направлена на обеспечение межнационального согласия и регулирование межнациональных отношений, однако в большей степени в российских СМИ преобладает негативная риторика в отношении иностранных мигрантов, что усиливает уровень мигрантофобии среди населения. В то время как результатом работы журналистов должны быть аналитические тексты, выступающие «мягкой силой» в гармонизации межнациональной обстановки.

Тему мигрантофобии развивают доктор исторических наук, профессор А.В. Мартыненко (Мордовский гос. пед. ун-т, г. Саранск) и кандидат исторических наук О.В. Орлова (Марийский НИИ языка, литературы и истории, г. Йошкар-Ола) [18]. Авторы рассматривают особенности общественного восприятия иностранной трудовой миграции в России, выявленные ими в ходе социологического опроса населения в столицах Республики Марий Эл и Республики Мордовия – Йошкар-Оле и Саранске, в 2020 г. На примере этого опроса исследователи утверждают: при наличии проявлений

мигрантофобии (латентной или открытой) в большинстве российских регионов, миграционная ситуация для страны не носит критического характера. По мнению авторов, наиболее эффективными мерами по предупреждению этнополитических и межэтнических конфликтов, связанных с миграцией, являются: поддержка национально-культурных объединений; межведомственная и межуровневая координация в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма; постоянный мониторинг этнополитической сферы и межнациональных отношений.

Проблемы адаптации и интеграции мигрантов-мусульман в России

Задачи по социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ возложены на Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Вместе с тем необходимо учитывать, что значительная часть мигрантов не ориентирована на интеграцию, ими не принимаются нормы жизни и традиции россиян. Причину этого эксперты видят в высокой степени анклавизации, когда у приезжих нет потребности общаться с местным населением. А горожане боятся таких «анклавов», не могут чувствовать себя рядом с ними в безопасности. Поскольку интеграция предполагает межэтнический диалог между принимающим сообществом и мигрантами, лучшей средой для такого диалога, подчеркивает О.В. Кульбачевская, являются образовательные учреждения [14].

Роль диаспор в формировании религиозной идентичности мигрантов-мусульман оценивают доктор социологических наук В.Ю. Леденева (ФНИСЦ РАН, г. Москва) и докторант Б.Т. Бегашилов (Университет Нархоз, г. Алматы, Казахстан). Основным механизмом адаптации мигрантов в России служат клановые, родственные и национальные связи, когда делается «выбор в пользу этнического сообщества» [16, с. 124]. Проблемы трудоустройства мигрантов часто решаются именно религиозными сетями.

Мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, из-за нехватки мечетей оказываются вне сферы влияния представителей мусульманского духовенства. Тогда как, по убеждению доктора философских наук Т.С. Прониной (ЛГУ им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург), «просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы способствовать адаптации и препятствовать тенденциям добровольной сегрегации мигрантских

сообществ» [22, с. 238]. Интеграция мигрантов в социокультурные рамки российского общества, считает аспирант С.А. Водопоетов (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва), возможна, если не допускать появления «обособленных агломераций, не стремящихся к внедрению в гражданские институты России»; следует ввести тест на знание русского языка при трудоустройстве. Для решения этих задач необходимо обновить концепцию миграционной политики РФ и привести ее «в соответствие с текущими вызовами» [4, с. 25].

Миграционные процессы на Северо-Западе России, Дальнем Востоке и в Башкирии

Доктор исторических наук Ф.Х. Соколова (Северный (Арктический) ун-т им. М.В. Ломоносова) и кандидат географических наук А.В. Лялина (Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта) [25] отмечают: Северо-Запад России представляет собой приморскую территорию Балтийского, Белого и Баренцева морей, которая формирует ареалы и центры притяжения мигрантов. Специфика приграничных территорий, тяготеющих месторасположением к странам Европы и включенных в миграционную систему Евразии, объясняет значительный удельный вес международных мигрантов (в среднем 13% всех прибытий и 9% убытий). Международные мигранты – это, как правило, выходцы из стран СНГ. Их удельный вес достигает 80–90%. В приморских муниципалитетах Калининградской и Ленинградской областей миграция компенсирует естественную убыль населения. В российской части Балтийского, Белого и Баренцева морей выделяются два крупных ареала притяжения мигрантов – Санкт-Петербургская и Калининградская агломерации – и ряд отдельных приморских центров притяжения на территории субъектов СЗФО РФ.

Анализ демографических и миграционных процессов на российском Дальнем Востоке, осуществленный доктором экономических наук Е.Л. Мотрич (Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН), показал, что регион в целом оказался в ситуации неустойчивости, в условиях постоянного сокращения численности населения, обусловленного главным образом миграционным оттоком [20, 21]. Внутренняя миграция Дальнего Востока характеризуется отрицательным сальдо миграционного прироста в сравнении с другими регионами России. Неблагоприятная

ситуация стала причиной снижения доли Дальнего Востока в общей численности населения России. Присоединение в 2018 г. к ДФО Республики Бурятия и Забайкальского края, по мысли автора, только формально увеличило численность населения Дальнего Востока в его новых границах до 8,2 млн человек [20].

Исследователем показана динамика общей численности населения, процессов его естественного движения – рождаемости, смертности, возрастного состава, ожидаемой продолжительности жизни и миграционного движения в рамках внутрирегиональных, межрегиональных и внешних потоков (со странами СНГ и дальнего зарубежья) [21]. В настоящее время в межрегиональных перемещениях присутствует тенденция переезда граждан с Дальнего Востока на постоянное место жительства в европейскую часть страны, преимущественно в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, которые имеют более высокие показатели социально-экономического развития. Вместе с тем, по убеждению автора, для Дальнего Востока важнейшим условием социально-экономического развития остается привлечение населения из других регионов страны и его закрепление [20]. Восстановление и наращивание численности населения Дальнего Востока относится к числу геостратегических задач государства [21].

О миграции в Республике Башкортостан можно судить по результатам социологического опроса, проведенного кандидатом исторических наук И.М. Габдрафиковым (Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева) и Л.Г. Хуснутдиновой (Башкирский кооперативный институт) [5]. Целью опроса авторов среди студентов и местного населения РБ являлось выявление причин и социально-экономической ситуации, влияющих на миграционные установки людей. Значительная часть студенческой молодежи настроена на выезд за пределы республики – в другой регион или даже в другую страну. Главный мотив стремления уехать из региона – неблагоприятная ситуация на местном рынке труда. Студенты высказались за продолжение учебы в вузах за пределами Башкирии, особенно в столичных вузах. В Башкортостане, утверждают эксперты, по степени важности для граждан и региональной власти на первом месте стоят социальные вопросы – сохраняющийся социально-экономический кризис, который усугубляется пандемией COVID-19. Поэтому состояние экономики и социальной сферы остается решающим фактором, влияющим на миграцию и миграционные установки граждан, а также на демографическое развитие республики в ближайшие годы [5].

Проблемы мигрантов в приграничных регионах России и Казахстана, а также на границах стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19, рассматривают С.В. Рязанцев, З.К. Вазинов и Ф.М. Гарибова [23]. Россия и Казахстан стали «миграционными магнитами» для трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Социологический онлайн-опрос ИСПИ ФНИСЦ РАН 2020 г. показал, что 65% трудовых мигрантов из-за ограничений в связи с пандемией COVID-19 фактически остались без работы [23]. В поисках работы мигранты начали переезжать в южные регионы РФ.

В рамках проекта РФФИ «Международная миграция в приграничных регионах России: модели поведения населения и социально-экономические эффекты для развития территорий» ученые Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) в 2022 г. совершили экспедицию в Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Ингушетию, Ставропольский край, Краснодарский край и Республику Абхазия [24]. Экспедиция установила следующие формы международной приграничной миграции между регионами РФ и странами Южного Кавказа: туризм и рекреационная миграция – перемещения жителей приграничных регионов через границу с целью туризма и отдыха, главным образом миграция направлена на черноморское побережье Республики Абхазия; коммерческая миграция – перемещения бизнесменов и коммерсантов с целью торговли сельхозпродукцией, продуктами питания, товарами широкого потребления; родственная миграция – перемещения жителей приграничных регионов через границу с целью посещения родственников, проживающих на сопредельной территории другого государства [24].

Наиболее населенными приграничными регионами РФ на кавказском (южном) участке являются Краснодарский край (5,7 млн), Республика Дагестан (3,1 млн), Ставропольский край (2,8 млн), Чеченская Республика (1,5 млн человек). Население в регионах приграничной зоны Северного Кавказа увеличивается за счет высокой рождаемости в этнических республиках (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика, Кабардино-Балкария), а также за счет притока мигрантов в Краснодарском крае. Центрами притяжения мигрантов являются Краснодарский край, республики Адыгея и Ингушетия. Дагестан – главный миграционный донор Ставропольского края. В кавказском приграничье происходит миграционный приток населения в пользу территорий с преобладанием русского населения из этнических национальных республик Северного Кавказа. Как считают М.А. Аствацатурова и Е.В. Давыдова, именно

внутренняя миграция – процесс перемещения в Ставрополье граждан России из республик Северного Кавказа – в этнополитическом контексте СКФО актуализирует реализацию государственной миграционной политики в нейтрализации и профилактике: экстремистских настроений на основе национализма и ксенофобии, прежде всего, в среде молодежи; геополитизации межэтнических отношений (в силу событий на Украине, в Турции, Сирии, Ираке, Иране, Афганистане, Армении, Азербайджане и др.); этнизации и конфессионализации доктрин и практик политики управления в противовес светской власти [3].

С распадом СССР в странах Южного Кавказа произошли процессы трансформации внутригосударственной и международной миграции, которая приобрела новые формы и географические направления. Основной поток мигрантов направляется в РФ, хотя в последний период популярными направлениями стали Турция, страны Ближнего Востока, ЕС, США и Канада.

Заключение

В настоящее время произошли некоторые изменения в структуре приоритетов государственной демографической и миграционной политики России. На первый план выдвинуты вопросы роста рождаемости, заботы о здоровье населения, его жилищных условиях, доходах, пенсиях, пособиях для нетрудоспособных, медицинских услугах и др. Проблемы безопасности также постоянно находятся в сфере внимания государства. Необходимо учитывать, что на рынке труда в стране много иностранных граждан, не стремящихся к адаптации и интеграции в российское общество, а также присутствует негативное отношение к мигрантам-мусульманам (мигрантофобия). СМИ, давая объективную информацию об этнических конфликтах, должны не подогревать эти конфликты, а предоставлять выверенные аналитические тексты.

Несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию в России, продолжающееся действие санкций, крупные города РФ привлекают трудовых мигрантов из регионов страны и ближнего зарубежья, о чем свидетельствует динамика трансформационных обменов населения на Северо-Западе, в приморской зоне Белого и Баренцева морей. В приграничном регионе Северного Кавказа население увеличивается за счет притока мигрантов в Краснодарском крае, а также вследствие высокой рождаемости в Ингушетии, Чечне, Кабардино-Балкарии.

Список литературы

1. *Андропова Л.Н., Ланцова Н.М.* Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 320–341.
2. *Аришин К.В.* Миграционная политика России в 2010-е годы: проблемы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 125–136.
3. *Аствацатурова М.А., Давыдова Е.В.* Современные миграционные процессы в этнополитическом контексте СКФО // Миграция и межнациональные отношения в современной России. Материалы Международной научно-практической конференции: Миграция и межнациональные отношения в современной России. 27 сентября 2018 г. М.: Литера, 2018. Т. 17. № 1. С. 16–31.
4. *Водопоетов С.А.* Миграционные процессы как фактор обеспечения демографической безопасности Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 22–25.
5. *Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г.* Социально-экономическая ситуация и миграционные установки граждан по результатам массового опроса населения в Республике Башкортостан // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 9–15.
6. *Зорин В.Ю.* Миграционная политика между правами человека и безопасностью // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 2 (128). С. 121–130.
7. *Зорин В.Ю., Бурда М.А.* Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // Politbook. 2020. № 1. С. 113–128.
8. *Зорин В.Ю., Орешин С.А.* Девятая модель: какой быть миграционной политике в 2025 году // Общество. Доверие. Риски: доверие к миграционным процессам. Риски нового общества : материалы Международного форума. М. : Изд-во ГУУ, 2019. С. 55–65.
9. *Комаровский В.В.* Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2. (43). С. 19–32.
10. *Комаровский В.В.* Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 105–110.
11. *Комаровский В.В.* Россия и СНГ: динамика миграционных потоков // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2 (47). С. 151–170.
12. *Красинец Е.С.* Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение, 2022. Т. 25. № 2. С. 104–115.
13. *Красинец Е.С., Шевцова Т.В.* О последствиях влияния пандемии COVID-19 для трудовой миграции в Россию // III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2021. С. 234–237.
14. *Кульбачевская О.В.* Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в России: к вопросу о межкультурном взаимодействии // Вестник антропологии. 2020. № 4 (52). С. 136–152.
15. *Леденева В.Ю.* Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 128–137.

16. Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т. Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118–130.
17. Лобацкая Н.А. Демографическая ситуация в России, ее воздействие на экономику страны // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях. Сб. докладов Международной научно-практической конференции: В 2 т. Т. 1. Саратовстат, Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2020. С. 17–22.
18. Мартыненко А.В., Орлова О.В. Латентная мигрантофобия в региональном измерении: на материалах Марий Эл и Мордовии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 700–706.
19. Михайлова О.В., Бурда М.А. Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 4 (142). С. 9–15.
20. Мотрич Е.Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Хабаровск, 2022. С. 27–40.
21. Мотрич Е.Л. Современные демографические процессы на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 59–68.
22. Пронина Т.С. Миграция в современной России и религиозный фактор // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 225–240.
23. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 45–58.
24. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Медведь В.А., Очирова Г.Н., Рязанцев Н.С. Научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН по изучению миграции в Кавказском приграничье России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 165–180.
25. Соколова Ф.Х., Лялина А.В. Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 4. С. 54–78.
26. Храмова М.Н. Иммиграция vs эмиграция: компенсаторная роль миграции в демографическом развитии регионов России / М.Н. Храмова, Е.В. Скоблина, Д.П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 4. С. 110–122.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023.

Принята к публикации 21.06.2023.

Schensnovich V.N.
Demographic and Migration Problems in Russia

Valentina N. Schensnovich

Research Associate,
Publishing Department of the Journals
“Rossiya i Musulmanskii Mir” &
“Russia and the Moslem World”,
INION RAN,
e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

***Abstract.** The decline in the birth rate in Russia in 2020-2021 led to a natural decline in the population. The article traces the impact of the COVID-19 pandemic on labor and educational migration. The tendencies of international migration of Russia and the countries of Central Asia are revealed. The data of sociological researches are given.*

***Keywords:** demographic and migration situation; fertility; support measures; state migration policy; migration attractiveness of the Russian Federation; coastal zone of the North-West of Russia; Arctic; Far East; Bashkortostan; border regions of the North Caucasus; neighboring countries; the attitude of Russians towards Moslem migrants; migrantophobia; the role of the media.*

Зинин Ю.Н.*
СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ В ПЕРИОД СВО РОССИИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СМИ

DOI: 10.31249/rimm/2023.03.02

***Для цитирования:** Зинин Ю.Н. Ситуация на Украине в период СВО России через призму ближневосточных СМИ // Россия и мусульманский мир : научно-информационный журнал. 2023. № 3 (329). DOI: 10.31249/rimm/2023.03.02*

* Зинин Ю.Н., кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, e-mail: zinin42@mail.ru

© Зинин Ю.Н., 2023